

Лаборатория имен

Автор:

Роман Шабанов

Лаборатория имен

Роман Шабанов

"- Сегодня с вами диджей «Ъ», - неслось из перевернутой колонки под потолком. - А это, значит, день будет проходить под моим контролем. Я вижу, как опоздавшие спешат в класс, роняя учебники и обеды, но есть и такие, кто не торопится попасть туда, объясняя тем, что у них есть дела и поважнее докучливого брюзжания человека с указкой...

Место действия - кабинет директора школы. В нем двое - Карл и мистер Пок. Первый - ученик седьмого класса, второй - сам директор. Простой кабинет с висящими фоторамками побед, достижений, грамот. «1 место в собачьем конкурсе «Ноги от ушей», «3 место за победу на олимпиаде «Для думающих собак», «Фаворит в фестивале «Лающий бог». Стол с большим количеством папок и круглая печать сверху. Орущий приемник..."

Роман Шабанов

Лаборатория имен

Невероятная повесть для детей

Посвящается моему племяннику Валентину, давшему мне «добро» на эту идею

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Начало

– Сегодня с вами диджей «Ъ», – неслось из перевернутой колонки под потолком. – А это, значит, день будет проходить под моим контролем. Я вижу, как опоздавшие спешат в класс, роняя учебники и обеды, но есть и такие, кто не торопится попасть туда, объясняя тем, что у них есть дела и поважнее докучливого брюзжания человека с указкой...

Место действия – кабинет директора школы. В нем двое – Карл и мистер Пок. Первый – ученик седьмого класса, второй – сам директор. Простой кабинет с висящими фоторамками побед, достижений, грамот. «1 место в собачьем конкурсе «Ноги от ушей», «3 место за победу на олимпиаде «Для думающих собак», «Фаворит в фестивале «Лающий бог». Стол с большим количеством папок и круглая печать сверху. Орущий приемник.

– Чем можно заменить сочинение в тетради, выведение кружков и декламация стихов, бег на время с более сильными, веря, что в этот раз обойдешь их, споры на уроках истории, особенно на тему войны?

У Карла была разбита губа и глаз. Кулаки были красными и если задернуть майку, можно было увидеть еще тринадцать синяков. Он тяжело дышал, как будто только что проглотил что-то большое и еще не успел, как следует прожевать.

– Что может быть важнее сложения десятичных дробей или решения квадратного уравнения? – не унималось школьное радио. – Наверное, только спор о том, стоит ли изучать английский только для того, чтобы на ответ «Хау ду

ю ду» отвечать добрым «Гуд бай, пипл».

Директор фыркнул, быстро подошел к приемнику, потянулся, чтобы охладить задорного МС, но понимая, что слишком низок, чтобы дотянуться, встал на стул и выключил вещание. Радио хрюкнуло и замолкло. По всей вероятности, это должно было успокоить мистера Пока, но напротив он стал еще более нервно ходить по кабинету, не поднимая ног, отчего ковер вздымался и становился похожим на холмистую долину.

– У меня есть собака, Она не любит, когда я свищу или говорю «апорт». Она ждет, что я скажу «принеси».

Карл ждал, когда пластинка сделает второй круг. Он думал, что на этом все закончится. Синяки болели, хотелось закрыться в туалете, смыть с себя грязь и по возможности привести в порядок. Но директор не замолкал. Он умудрялся жевать орешки из целлофанового пакетика и говорить. Он никуда не торопился – у него не было ушибов и ничего не болело, разве что дергался глаз, и чесалось всегда одно и то же место за спиной – в лопаточной части.

– Все дело в уважении. Ты относишься к нему, как к самому себе. Я же не могу себе сказать «пошел» или «взять». Принеси! Гоп-гоп! Давай-давай! Однако могу сказать по-другому...

Директор был лыс и его лицо напоминало собачью морду. Наверное, когда очень долго общаешься с собакой, начинаешь походить на нее. У него был пес. Две фоторамки «С мячиком» и «Купание» стояли на столе, третья сверкала на рабочем столе компьютера. Там у пса текла слюна то ли от голода, то ли от злости. Неудивительно, если тебя фотографируют как модель. Можно и покусать. Но пес сдерживался. Разве можно кусать себе подобных. Вот и сейчас речь мистера Пока походила на лай – громкий и обрывистый.

– И в ответ она слушается... – завершил он вступительную часть, сделал паузу, и всыпал в себя горсть орехов и стал так судорожно жевать, как будто если он так не сделает, то орехи оживут и смогут убежать. – Если хочешь нормального отношения к себе, продолжил директор, подойдя к Карлу поближе, снизив диапазон в разы, – то назови его по имени, то, что было дано ему при рождении. Лайни, принеси мне тапочки. Благодарю, Лайни. А теперь подойди ко мне. Поговорим. Как ты себя сегодня вела, Лайни? Покажи дневник.

Карл представил, как пес главного по школе преподносит тому дневник, чтобы тот поставил отметку или расписался за поведение, и как потом они разговаривают по душам на крыльце дома – человек о том, что у него сотни учеников, от которых нет жизни, а пес – о тысячи донимающих его блох, от которых тоже несладко.

– Она не сразу стала такой. Сперва она не понимала, что такое возможно. Она не имела ни имени, ничего. Она не знала, что можно ладить с людьми. Она ничего не знала. Пока я ей не объяснил.

Пес дира сидит за специально сделанной собачьей партой и пытается запомнить алфавит. Открывает пасть, чтобы произнести «а», но получается «е» или пуще того «ы».

Карл потрогал лоб, словно проверяя, все ли у него на месте. Ему хорошо досталось. Он повертел головой, вправо-влево, вперед-назад. Легкое головокружение. Хорошо, что стулья стояли повсюду, и была возможность сесть, но директор не положительно оценил этот поступок, и мальчику пришлось встать. Перед глазами были торопливые кулаки, их казалось больше чем два – некоторые из них пролетали мимо, но были и такие, которые достигали своей цели. Тем временем мистер Пок начал говорить о происшествии, которое и привело Карла в административное помещение. Он уже сказал о том, что драка – это плохо, что все вопросы можно решить по-другому и остановился на причине ссоры.

– Все в порядке – клички уместны. Кто не называл своего соседа по парте за его нос картошкой. Или за вес. А то и за неуклюжесть. Это весело. Это нормально. Я и Лайни иногда зову Ленивицей. Но при этом я помню, что она Лайни. Она не Ленивица, она Лайни. Важно не забывать про свое имя. Называя его Трафаретом, ты должен помнить, что его зовут Шерман. Называя его Пончиком, вспомни о его настоящем имени – может быть оно ему идет больше.

Карл не хотел ни о чем думать – разговор итак затянулся. Мистер Пок, наверняка, забыл или не знал вовсе, что после драки не хочется выслушивать назидательные речи, а хочется пить, в душ и никаких уроков. Но директор продолжал, казалось, что с каждым словом его речь становится ярче, пронзительнее и он, понимая это, повышал голос, думая, что это красит его, как директора.

– Если бы это было в первый раз, тогда ладно. Но за тобой тянется бесконечный шлейф этих прозвищ. Уборщица для тебя ведьма. Монтер Джек – Терминатор. Каждый попадает в твою лабораторию, под твои опыты. Ты, наверное, и свое-то имя начинаешь забывать. Ты помнишь, что тебя зовут Карл? – спросил директор, прикончив пачку, выдавливая из нее последний приставший к дну орешек.

– Не произносите его, – процедил мальчик, чувствуя, как душно в этом кабинете. – Я его ненавижу.

Карл вытер сочащуюся кровь из губы.

– Да ты что? – удивленно спросил мистер Пок. – Карл – удивительное имя. Если бы моего пса не звали...

Карл не был поражен. То, что директор сравнивал его со своим псом – нормально. Все руководители сравнивают своих подопечных с животным миром. Это еще повезло, что они собаки, а не другие представители, например, крысы.

– Если бы моего пса так звали, я был бы более чем спокоен, – огрызнулся мальчик.

Мистер Пок любил порядок, а Карл, как и все дети в его возрасте не всегда его соблюдал. Он, как и многие подростки, думал, что только через беспорядок можно прийти к порядку. И сколько раз придется нарушить дисциплину – опоздать, прогулять, а то и подраться, он не знал.

Был драка. Причина самая простая – он назвал большого мальчика с рельефными мышцами Шермана «Трафаретом». Тот, не понимая шуточного тона Карла, встал в стойку и пошел на него. Карл был маленьким и смог увернуться так, что большая туша рухнула на пол. К тому времени столпилась значительная масса народа. Шерман поднялся и не стал медлить с ответным ударом. Карл не дрался, он уворачивался и старался не быть первым. Но ему изрядно досталось – была разбита губа, образовался синяк под глазом и на шее, не говоря уже о том, что скрывалось под рубашкой. Ему казалось, что все тело стало синим и заплывший глаз помогал ему поверить в это. Трафарет успокоился только после появления охранника. Драка не могла остаться в тайне. Уборщица Хьюс, монтер Джек и толпа малышей, завидевшие происходящее в школьном дворе, не могли среагировать иначе, как прокричать «вот это да!». Мальчики делали

ставки, а девочки кричали «караул», хотя большинство кричали «Карлаул!». Тут же звонкий поток долетел до ушей охраны, а потом и сам мистер Пок, был оповещен о ЧП и вынужден говорить с зачинщиком, отпустив второго, совсем не обязательно для того, чтобы виновный понял, как нужно себя вести, а скорее просто для того, чтобы тот знал, что в школе есть кто-то главнее, чем он, и с ним нужно считаться, если решишь драться или, например, привести носорога.

– Кто я такой? – громко произнес мистер Пок.

– А вы не знаете? – ответил мальчик, уставший играть в эту странную игру с человеком на самой скучной работе. Дир не ответил, ожидая, что Карл тут же исправиться. – Мистер Пок.

– Правильно, мой мальчик, – с облегчением вздохнул взрослый. – И это имя, прежде всего, значит одно, что оно управляет, командует и как только ты услышишь Пок, ты должен вставать по стойке и подавать лапу... точнее, руку, – и в завершение к своим словам громко произнес. – Пок!

Карл не среагировал. Директор повторил, но понимая, что его действия безрезультатны, подошел к столу, и среди завалов откопал еще один целлофановый пакетик, грубо разорвал его и высыпал часть в рот.

Мистер Пок не любил, когда ученики повторяли свои «подвиги». Нарушили – привели к нему – разговор – в следующий раз другой мальчик, без приводов к нему. А тут – только неделю назад Карл отличился, назвал Черным квадратом темнокожего мальчика Густава. Еще и десяти дней не прошло, как он прокричал в радиоэфире о трех девочках Пауле, Лионоле, Рении – как о трехголовом монстре, одевающихся одинаково. И мало того, он был из тех, кто не любит молчать, и не боялся мистера Пока, как будто перед ним был не директор, а монтер Джек или сверстник. Дир мечтал о школе для собак, где бы он хорошо смотрелся. Но попав в этот кавардак, где приходится разговаривать не с желающими молчать детьми, он спасался своими историями о примерной собаке, которую нужно, наверное, отлить из бронзы и поставить перед крыльцом, как главный символ школы.

– А теперь иди, и помни, что ты Карл и если бы у моей собаки не было имени, и она не была девочкой, то я бы наверняка ее назвал...

– Я не Карл... – прервал его мальчик.

– Тогда кто ты? – пожал плечами директор.

– У меня много имен... – воскликнул ученик. – Вы можете звать меня...

– Позволь мне звать тебя Карлом... – не дал договорить ему мистер Пок. – Мне так удобнее.

На что мальчик не мог возразить. Он был простым мальчиком в школе, и его проблемы, прежде всего, беспокоили его самого, а все остальные думали только о том, как сделать так, чтобы его проблемы не коснулись их. Они и не понимали, что такие проблемы могут быть. Карл не любил своего имени. Странно?!

1

За дверью оказалось приятнее. Здесь было тихо, только в другом пролете лестницы кто-то неся по перилам с восторженным «Э-хоу!». Карл медленно зашаркал по направлению к выходу.

– Каррр! – услышал он за спиной, но не торопился оборачиваться. Показалось? Или нет? Ему было все равно, что кто-то решил продолжить мусолить его имя, как хлебный мякиш. За этим вороньим звуком последовала книга, ударившийся в спину и если бы не рюкзак, то удар был бы более внушительным. Это был учебник «алгебры». На обложке в самом названии была вставлена буква «к» в самом начале, и втиснута между «а» и «л» буква «р».

– Ты идешь на «карлгебру»? – хитро спросила Бросательница учебников. Конечно же, это была Эллис. Его одноклассница, как и он любившая клички. Только свою любовь она не демонстрировала, не использовала одноклассников в качестве пробных экспериментов, довольствуясь тем, что это делает Карл, разве что иногда подтрунивала над ним. – Нас ждут карлосшибательные примеры во главе с мистером Уинсом.

Карл сплюнул, ему не хотелось отвечать, он не знал, куда идет, и, наверное, должен был отсидеть хотя бы один урок, но с каждым шагом все больше сомневался в этом.

– Ты такой смешной, когда злишься, – засмеялась Эллис. – У тебя лицо становится похожим на Эйфелеву башню. Рот на две лыжные палки, а глаза, как сломанный светофор, моргающий.

Она прыгала перед ним, как будто знала, что сейчас он безобиден и ничего не сможет сделать. Карл действительно с трудом передвигал ноги, тяжело дышал, и ему не хотелось обращать внимания на эту попрыгунью, которой в одно время дал прозвище «Паприка». По причине острых шуток, наверное.

– Зачем учебник испортила? – грубо спросил мальчик.

– А я на своем тоже написала, – прошептала Эллис, сняла рюкзак, и достала точно такой учебник с точно такой же корректурой. – Вот смотри. Как у тебя. Это еще что? Я и физику тоже поправила. Зацени. «Физкарлика». А на биологии. «Биокарлогия»... – она перевернула рюкзак, высыпая содержимое на школьный пол, чтобы показать, как она постаралась удивить его. – Литературу сложно, но можно. «Карлитура», либо «Литкарлтура». Пока еще не решила.

– Ты что совсем ду... – грубо спросил мальчик, не совсем понимая, зачем она так поступила. С его учебниками еще понятно, но со своими-то зачем так. – ...ра, или только прики..., – это так походит на бред после сотрясения, – ...дываешься?

– Фу-у-у, – протяжно заголосила девочка, – я думал ты припас для меня клички поинтереснее. – Дура – как просто, – она прищурилась, как будто что-то заметила. – У тебя шрам, да какой. Вот отчего ты такой странный. Тебя поколотили, и ты не в настроении ни идти на урок, ни придумывать что-то новое.

Она тут же подскочила и стала изучать его.

– Какая красивая ссадина. А синяк. Еще один. Какая ровная царапина. В сочетании – человек-картина и место ему в музее.

– Оставь меня, – грубо отрезал Карл. – Мое место точно не в этой школе, где у каждого навязчивая мысль достать меня.

– Извини, я только хотела... – что она хотела, Карл не желал слушать, он знал, что все девочки в школе смотрят на то, что делают мальчики, а все мальчики дразнят Карла и уже отнесли его в свой черный список, где он занял место с ботаниками и неудачниками.

– Она только хотела напомнить, что меня зовут... – пульсировало в висках, – что меня зовут...

Однако на урок все же пришлось идти – на посту стоял охранник, во дворе занимались малолетки, и окно директора было открыто.

Урок вел мужчина в зеленом костюме. Мистер Уинс. У него была странная привычка стоять у окна и протирать очки. Всем без исключения казалось, что таким образом он подает знаки. Все считали его шпионом и думали, что он помимо всех этих цифр владеет кодом, который способен подойти ко всем тайным ключам. Но это была одна из баек, созданная только потому, что сам предмет был ужасно скучным и если ничего не придумать, то на него и ходить нет смысла. А так появлялся стимул – он агент, который сигналил своим коллегам о том, что начинается урок.

– Выражения с переменными, – сказал учитель протяжно так, как будто он только что съел вкуснейший бутерброд с варением, – это такие выражения, которое содержит числа, переменные, знаки алгебраических действий, скобки, ну конечно. Например...

Мистер Уинс привел пример, изобразил на доске несколько формул. Карл этого не слышал – ему казалось, что все плывет перед ним – числа сливались с буквами, приглашали их на дуэль и предлагали им специальные перчатки на кулаки, последние отказывались, но те не слушали и уже были готовы атаковать.

– У Карлуши проблемы, – услышал он за спиной. – Надо бы его пощекотать после уроков, а то он все как-то других щекочет. Наверное, пора... давно уж руки чешутся.

Он повернулся назад. Денвер и Базилик показывали ему кулаки, Желудочный сок нарисовал на развернутом листе тетради картину – где Карла давит фура с сидящими в ней довольными одноклассниками. Они специально говорили громко, чтобы он мог их услышать.

– Вы... вы... – он хотел назвать их как-то очень обидно, чтобы у них отвисла челюсть, чтобы они раз и навсегда отстали от него, но навалившаяся усталость действовала и мешала ему придумать что-то по-настоящему едкое и вызывающее отвращение.

– Карлозавр хочет удивить нас новым прозвищем, – серьезно сказал Денвер, названный так за то, что ходил как денверский гиппопотам Майк с кабельного канала. На что Базилик – вегетарианец передал информацию Желудочному вечно голодному соку, а тот сделал так, чтобы почти весь класс вытянул шею, кроме ее ботаническо-неудачниковой части.

– Вытри нос, Сопля, – выдал Карл, собравшись с мыслями. – Или попроси своих друзей подобрать.

– Что? – воскликнул Денвер, пытался приподняться, но учитель уже заметил волнение и появился, чтобы рассказать, какое это увлекательное занятие – изучать новую тему по алгебре, знакомиться с новыми терминами и наслаждаться трудностями. – Да я тебе сейчас так подберу, что мало не покажется.

Но на уроке ничего не сделаешь – это факт. Как бы Денвер не рыпался, не пытался придумать что-то достойное для своего обидчика, у него ничего, кроме «Еще не вечер, Карлсон» не получилось.

– Как это похоже на нас – один класс, а столько переменных, – подвел черту своим примером тему урока учитель. Никто не засмеялся, и только мистер Уинс оценил свою шутку и открыл рот с желтыми подгнившими зубами. Карл снова вернулся к бесполезной розне букв и чисел, как через минуту услышал за спиной.

– После уроков... я тебе покажу Сопли.

Числа уже оседлали буквы и кричали им вперед, когда Мистер Уинс решил в оставшееся время дать возможность отличиться. Валидол первым пошел к доске. Карла вызвали третьим, после Заячьей губы, но задача оказалась труднее, чем у всех.

– На земле существует три тысячи тайн. Для того чтобы найти их отправились в путь две тысячи четыреста тридцать семь любознательных. Как правильно распределить тайны между участниками этой экспедиции, чтобы все были довольны.

Буквы не хотели драться, ссылаясь на то, что им нужно пойти в поход. Числа не отпускали их, так как тоже хотели, но на всех не хватало, поэтому розня возобновилась.

– Некоторые из них... – начал говорить мальчик, – некоторые из них должны остаться дома.

Все засмеялись. Сейчас он видел, как числа держат буквы в воздухе, подкидывают их и не торопятся отпускать. Разве не достаточно того, что их значительно больше? Но их, кажется, это не волновало, они продолжали.

– Но как же по-другому. Или тайн должно стать на тысячу, две больше, чтобы они смогли их поделить...

Смех возобновился. Все смеялись. Денвер, Базилик, Желудочный сок, Революция, Топинамбур, Забинтованный, Валидол, Олень, Заячья губа, все... И Паприка тоже.

– Карл... – сказал мистер Уинс, широко улыбаясь. И он тоже. Эдипов комплекс, Щекастый, Обруч, Геракл, Веник, Зеркальный, Ундервуд, Фламинго гоготали, как полоумные. Паприка со второй парты улыбаясь показывала на учебник литературы, на котором было выведено «Карлитература».

– Не надо меня так звать, – закричал мальчик. – Я не хочу!

Учитель растерялся. Он тут же достал очки и стал их вытирать, но понимая, что это не помогает, повернулся к классу, чтобы там найти ответ.

– А у него боязнь своего имени, – поднялся Базилик, и Денвер тут же добавил. – Так что хочешь его напугать, зови Карлом. Это что-то вроде уязвимого места.

Учитель так и не мог выйти из ступора – он замер и не знал, как поступить – на него никогда не кричали ученики. Тем временем класс уже поверял Карла на уязвимость, произнося его имя снова и снова.

– Хватит! – зажимал мальчик уши, но, даже, закрыв их, он все равно слышал отчетливо:

– Карл, Карл. Карrrrrrrл!

– Нет, – закричал мальчик и попятился к выходу. Тем временем мистер Уинс вышел из растерянного состояния и произнес:

– Прекратите.

Но это прозвучало так тихо, что никто не обратил внимания на этот шепот. К тому же детей было трудно остановить. Они продолжали. Наверняка, они хотели отомстить Карлу за свои прозвища.

– Нам нужно продолжать, – с отчаянием в голосе произнес учитель, и тут же имя стоящего мальчика пропела половина класса с таким неистовством, что мистер Уинс подошел к окну, как будто надеялся найти спасение там. Но класс ликовал – нашлось уязвимое место у человека, которого давно нужно было проучить.

Карл не выдержал, добежал до двери, открыл ее и, отталкиваясь от стены, побежал.

– Карл у Клары украл кораллы... – несло вдогонку. – Стой! – заголосил знакомый тембр Денвера. – Он не должен уйти! – продолжил Базилик.

Но мальчиков не отпустили с урока, а нарываться на неприятности, которые могут привести к встрече с мистером Поком, их не слишком радовала. Через мгновение в классе затихло, и только голос следовал за ним попятам.

– Карл у Клары...

Но Клары никакой не было. Был только Карл, думающий, что кроме него не бывает других мальчиков по имени Карл и если и есть такие, то они живут в другом месте. Не в этом городе, школе, где уважают не только самого человека, но и его имя тоже. Поэтому он неся по коридору, пошатываясь, как будто после еще одной драки. К тому же она оказалось значительно серьезнее.

2

Важно то, что Карл стал привыкать к прозвищам. Он не любил свое имя, но предпочитал и других не называть. Ему казалось, что имя должно быть дано по достоинству. Если он назвал Шермана Трафаретом, то это значит только одно – он похож на него. Он видел в раздевалке на пупке такие кубики, такие ровные, по которым можно чертить геометрические фигуры. Если Дорик был похож на зайца, у него выступали зубы, и он при походке даже попрыгивал, то как такого не назвать Заячьей губой. Да он должен благодарить его за то, что тот так верно подметил это. А Геракл намного лучше Карика, не правда ли? Тем более, двенадцать подвигов (начиная с поднятой руки на всех уроках истории, заканчивая внеплановыми дежурствами в последний день учебы перед каникулами) Карик успел совершить – и все в пределах школы. Поэтому звание школьного Геракла ему идет намного больше, чем беззвучный Карик. Да все получили свои имена за то, что они такие. Не какие-то там Марки, Зои, Бобы – они же Забинтованный, Фламинго и Топинамбур, точно говорящие о том, что у первого постоянные переломы, вторая – ярко одевается, а третий – тихий, как подземная груша.

Но никто этого не понимал. Всем нравились глупые имена, и они гордились, что у них есть названия для тела, пусть и не совсем понятное название, но свое. Как ни пытался Карл убедить хотя бы одного человека из школы, что человек вправе сам выбрать себя имя, как рубашку, как место в кинотеатре, как свое будущее, все смеялись над ним. И только Эллис серьезно отнеслась к его словам, позволяя называть себя Паприкой, но все равно до конца не понимала, почему он так бурно реагирует на ее «карлики». Она смеялась и как бы была и за тех, у кого есть имена, данные при рождении, и за тех, кто довольствовался кличками.

И даже были попытки сказать об этом учителям. Карлу казалось, что уж они-то точно смогут понять его – они взрослые люди, которым наверняка за столько лет

наскучили их ничего незначащие имена и фамилии. Чего взять с глупых и мало что понимающих учеников – они может быть, еще не скоро поймут это. Но взрослые – совсем другое дело. Однако он слишком надеялся на взрослое поколение. Попытки ни к чему не привели. Те пожимали плечами, не принимали его всерьез, не думали, что мальчик говорит об этом сознательно. Они пытались его переубедить, перетянуть на свою сторону, и Карл перестал докучать их своими идеями, оставив силы для более сговорчивых. Но таких не было на горизонте. Разве что оставались родители, но он пока не решался сказать им.

Впереди еще три урока. Злая химичка, слишком добрая литераторша и учительница музыки, на уроках которой он не любил петь, как все, а пытался сразу по ходу песни менять текст (имена героев песни, как можно нетрудно догадаться). Постепенно переосмысливая слова, называя Робина – Жадным увальнем, он добивался того, что все, как один повторяли не оригинал, а ту версию, что предлагал Карл, доводя учительницу до негодования. Что там впереди? Мисс Зеленая маска, Ветвистый дуб и Моцартина. Ни за что! Обязательно найдется и для него задачка, самая трудная, конечно, над которой все будут потешаться. Не пойдет!

– Музыкарл... – неожиданно произнес он, сплюнул и поплелся в неизвестную сторону.

– Ты чего не на уроке? – раздался бас. Жертва репрессий – тонкий, долговязый мальчик, дежурный по школе, дотошный, как пылесос, стоял перед ним. Карл бы ниже его на две головы и для того, чтобы понять, что тот хочет, пришлось задирать голову, как в кинотеатре на первом ряду. – Еще плюешься здесь, – недовольно произнес тот.

Карлу казалось, что никого не существует. Что этот голос – лишь отголосок, идущий из класса. И стоящий перед ним мальчик – продолжение того самого мальчика, смеющегося над ним. От того он сбежал, теперь предстояло уйти и от этого. В этом он не сомневался. И в доказательство того, что его мало волнуют эти замечания, он плюнул еще раз.

– Перестань, – растерялся Жертва, посмотрел по сторонам, нет ли зевак, и когда последовал еще один плевок со стороны прогульщика, он был готов закрыть нарушителю рот рукой, лишь бы тот не нарушал порядок.

- Ты из какого класса? - спросил он. - Седьмого?

Во-первых, Карл не хотел ни с кем разговаривать, во-вторых, он сейчас не помнил ни в каком он классе, ни как его зовут, ни то, что он кому-то что-то должен. Для него эта ходячая трость была смешна, она была продолжением этих глупых, ничего не понимающих сверстников, которые милые на уроке, а после уроков ведут себя фальшиво. Он не удержался и прыснул.

- Ты Жертва, - все больше раздражался он. - Ты обычная Жертва. Как все. Жертва-тва!

- Не нужно, - кротко произнес дежурный мальчик. - Тебя могут услышать, - он приложил указательный палец к губам, стиснув зубы.

- Ты Жертва, - продолжал Карл, понимая, что ему становится все труднее остановиться. - Ты ходишь по школе, как будто над тобой опыты делают. Выкачивают кровь и все остальное.

Он видел, как мальчик тускнеет, в его глазах появляется страх, но это продолжалось всего мгновение.

- Знаю, - воскликнул он. - Я Жертва репрессий. Ты меня давно уже так называешь, но меня это не слишком волнует. Если бы меня так называл мистер Пок, тогда я, может быть, и задумался, но ты. Кто ты для меня?

Карл перестал смеяться. Самый худой ботаник, один из неудачников только что осадил его.

- У тебя химия, - резко сказал Жертва. Мало того, что он должен был отвести того на урок, он еще и должен знать, что тот досидит на нем и больше ни разу не плюнет по дороге.

- Пошли, - тихо сказал дежурный, - Третий этаж. Сейчас мы с тобой поднимемся по лестнице.

Но Карл сейчас не мог сидеть в кабинете. Он был слишком зол на всех. И теперь перед ним самый худой мальчик на планете и хочет отвести его на урок, как

маленького. Только что он дал ему понять, что не уважает его, что ему наплевать на его мнение, что он никто.

- Так ты идешь? - продолжал противник. Карл не выдержал. Как только длинный подошел к нему, чтобы взять того за руку, он оттолкнул его от себя. Да так сильно получилось, что тот упал. В тот самый момент шла уборщица и вскрикнула. А директор, который после долгого разговора сейчас шел на обед, и уже был на лестнице, с которой был прекрасный обзор и, конечно же, заметил лежащего и стоящего мальчиков.

- Ты чего? - восклицал лежащий.

- Держи палец на звонке, - отвечал стоящий.

Второй раз оказаться у директора в кабинете - это было нечто. Поэтому лучший способ справиться - упасть в обморок. Что Карл и сделал. Но, конечно же, он сделал это не специально. Так получилось.

- Тебе плохо? - запричитал дежурный.

- Ему нехорошо, - подтвердила Хьюс.

- Тебе нехорошо? - машинально спросил длинный мальчик, пока Хьюс хлестала его по щекам и приводила в чувство. Карл очнулся на мгновение, но уборщица продолжала свою восстановительную гимнастику так, что мальчик снова отключился.

- Неси его к Якобине, - заключила Хьюс, вцепилась в швабру и уже через мгновение терла пол вокруг Карла.

И вместо третьего этажа, Жертва понес его в медкабинет, на первом этаже. Звонок с урока прозвенел значительно позднее. Это не могло не радовать учителей, но никак не детей, которые считали каждую минуту до конца нудного учения.

Якобина была доброй женщиной, но детей не слишком любила. Пока она сидела одна в кабинете, на ее лице было нарисовано состояние благолепия. Она любила эти часы спокойствия, когда идут уроки и есть еще время до перемены, когда и может произойти нечто такое, что может привести в ее кабинет и заставить что-то делать. Например, забинтовать руку упавшего с лестницы, либо голову убежавшего с урока прямиком на дерево, где, по его мнению, никто не станет мешать. А то и спасти целую гурьбу от внезапно напавшей хандры, являющейся по всей видимости итоговой контрольной за полугодие.

Она спокойна, в окне – ласточки и голубой небо. Шторы в крапинку и улыбка на лице с жующим виноградом – хорошо. Но проходит мгновение счастье и уже на второе пришествие в кабинет врывается жердеподобный мальчик, взлохмаченный и взволнованный, к тому же держащий в руках другого мальчика без явных признаков чувств. Последнего она знала, как невоспитанного, правда здоровяющегося, но так, что его вежливость ни в какие ворота не воспитанности не помещалась. Как можно отнести «Доброе утро, Мракобина Флай», когда ее звали Якобиной, а не как иначе. А «До свидания, Мра-а-кобина». И ничто не могло подействовать на него – ни угрозы, ни инъекции, ни отказы писать справки во время прогулов. Он продолжал ее звать так, как ему вздумается, а она угрожать ему расправой в своем кабинете с помощью уколов, которые так боятся все дети.

Но она не могла забыть, что она, в первую очередь, врач и Карл, прежде всего, пациент, нуждающийся в помощи. Поэтому она тут же освободила кушетку от старой оранжевой грелки, зеленой груши и тарелки с виноградом, который она мечтала полакомиться после обеда, и уложила Карла, который еще пребывал в беспомощности.

– Все вы деретесь, – приговаривала она, рассматривая его разукрашенное лицо, поворачиваясь к обеспокоенной «Жертве». Тот крутил головой, показывая знаками, что в этих отметинах он не виноват. Но Якобина его не слушала – она уже нарисовала для себя картину произошедшего – Кард назвал тощего не по имени, за что и получил по заслугам. – А спрашивается зачем? Чтобы на вас лекарства расходовались?

Карл не сразу очнулся. Большую часть слов он не услышал, хотя сквозь пелену происходящего до него доносилось что-то невразумительно странное.

– Что разве поговорить нельзя? – вопрошала женщина, смачивая ватные тампоны перекисью, – на крайний случай обойдитесь щелчком по лбу, легким шлепком, – она недовольно обрабатывала ссадины с прищуром поглядывая то на одного, то на другого мальчика. – Нет, надо доводить дело до медпункта.

Жердяю надо было уходить подавать звонок, и уже через минуту раздался запоздалый трезвон. Он и помог очнуться Карлу, тот открыл глаза, но тут же закрыл, сжал их довольно сильно – ему показалось, что голова стала в этот момент меньше, и снова открыл.

– Мракобина? – удивленно закричал Карл. Он уже давно не падал в обморок, хотя ему казалось, что никогда не падал, и реакция на жирную кожу с чавкающим ртом – нормальная.

– Что? – спросила она, и вероятно, зная про свое второе имя, тут же продолжила. – Нужно таким, как вы носить свою аптечку, а не ходить ко мне, да еще с такими, с такими...

Она не подобрала нужного варианта, так и зависла, пока дверь не приоткрылась, и не показались две фигуры – робкие, застенчивые.

– Мисс Флай, – кротко сказал один, – добрый день, – почти хором сказали оба.

– Добрый, – добродушно сказала женщина. Ей явно нравились эти мальчики. Она была готова лечить несколько таких, как они, которые умеют правильно к ней обращаться, чем одного такого, как Карл.

– Вот он где прячется... – как бы между прочим произнес первый, – а вы уже заканчиваете лечить... – спросил уже более громко второй.

Мисс Флай кивнула головой.

– И снова под надежной защитой... – прокомментировал тот, что повыше, – ну хорошо, что заканчиваете, – продолжил мальчик пониже, – нас попросили

оказать поддержку нашему попавшему в беду однокласснику, довести его до дома. В целостности и сохранности, – последние слова произнес, ну, конечно же, Денвер, а поддакивал во всем ему Базилик.

Карл не испугался. Ни на уроке, ни когда сбежал с него (а не от них, как кто-то может предположить), ни сейчас, когда они окружили и теперь он уже побитый раз, будет побит и второй, на этот раз не одним Трафаретом, а его друзьями и теми, кто так невзлюбил Карла.

– Ничего сейчас он выйдет... – продолжили шепотом обмениваться впечатлениями друзья, – до свидания, мисс Флай. Хорошего дня!

Они исчезли. Мисс Флай улыбнулась, давая понять Карлу, что была бы довольна такими пациентами, но приходится иметь дело с подобными Карлу. Через минуту в открытом окне показался самый главный из «банды». Денвер. Если Трафарет был самый сильный, но не самый умный, то этот был пусть и без значительных пропорций, но достаточно умен, чтобы вести за собой класс, увлекая всех в основном разного рода глупостями. Без него не было бы такого отношения к Карлу, он первый начал к нему придирается и отметил, что клички – из ряда вон плохо, хотя сам любил иногда использовать их, объясняя тем, что некоторые достойны их больше. Например, все ботаники или противные нарушители дисциплины. А он – Роберт и если что-то и добавлять к его имени, то разве что Босс, или Главный, но никак не имя динозавра.

– Мы тебя ждем, – сказал он губами, улыбнулся и показал на часы, затем на Карла и изобразил, как он качает его, что-то приговаривая шепотом. Через мгновение показались остальные – Базилик и Желудочный сок, чтобы показать более тривиально то, что их босс имел в виду – четыре кулака в воздухе и смыкающиеся зубы.

– Хороший день – это день, который начинается удачно. А у меня он уже пошел не в ту сторону, – приговаривала медсестра, заканчивая обрабатывать раны Карда. Банда не унималась – они изображали друг на друге как будут его воспитывать. – Если бы ты подрался завтра в выходной день, или же попозже, после уроков, тогда другое дело. Вся забота бы досталась твоей маме.

Денвер колотил Базилика и тот делал вид, что ему безумно больно. Желудочный сок тем временем выбрал себе в качестве жертвы цветочный горшок и душил

его.

Карл не выдержал – нервы его и так были на пределы после двух разноплановых драк, он вскочил, забрался на подоконник и всадил «Соку». Так получилось, что один удар пришелся троим – он ударил правого, тот дернулся задел босса, который в тот момент, завидев то, что жертва сама устремляется в капкан, ринулся к окну, и, получив пасс, от неожиданности дал затрещину левому.

– За что? – восклицал Базилик, «Сок» схватился за ухо и запрыгал как полоумный и только Денвер догадался схватить Карла и вытащить его на улицу. Через минуту они валялись на клумбе, и хотя силы были неравны, Кард подмял под себя двоих и только, так как «Сок» отполз в сторону и вероятно сбежал.

– Караул! – закричала Якобина, когда мальчики валялись на клумбе, и второй убежал в неизвестном направлении.

– Получай, получай! – кричал Карл, не зная, что и третий из «банды» исчез, оставив мальчика колотить руками воздух.

Вбежал Пучеглазов, школьный охранник, не понимая, что произошло. Якобина подсказала, кто виноват, указав на Карла и охранник, не долго думая, схватил мальчика и повел к директору, который только что вернулся после обеда и ничего не замечая устроился в кресле, чтобы насладиться новой компьютерной игрой «Собачьи каникулы».

– Отпусти меня, – грубо сказал Карл.

– Не-не по-поло-ложеложе-но! – ответил охранник, не подразумевая, что уже давно прозван этим мальчиком, как Заика с пучей, вместо глаз.

– Ты же понимаешь, – пытался оспорить свою невиновность мальчик, – он меня назвал, а я его и все по-честному. Так, как обычно решается между сверстниками. А директор тут не поможет. Он будет рассказывать про пса, но причем тут пес? Мы же не собаки.

Хотя в последнем он немного сомневался. Если директор так считает, то в скорейшем времени все будут бегать по приказу и ходить не как обычно, а на

задних лапах.

- Я-я-я н-н-не им-им-име-име-ю праправа, - начал свое трудный разговор зам по порядку, - ка... ка... как тебя... Ка-Ка-Ка...

- И вы туда же, - разочарованно провозгласил мальчик.

- Я не ту... я не ту... - пытался ответить Заика, но Карл устал слушать этих притир. Ему надоело терпеть их нелепые законы - нельзя ни плевать, ни называть так, как ты хочешь. Сплошные запреты и теперь его ведут в стены Большого мистера П, чтобы утереть нос своим шелудивым псом.

- Да чтобы ваша школа провалилась! - резко сказал он, вцепился зубами в руку охранника, отчего тот разжал ладони и Карл оказался на свободе. - Мне достали ваши разговоры. Про пса, про то, что у вас есть настоящее имя, про то, что оно лучше, чем прозвище. А я хочу... - закончил он свой спич и ринулся к выходу.

Навстречу ему попался Трафарет. Тому тоже досталось после первой драки, и он зализывал раны в столовой, съев тройной обед и отсиживаясь там, пока не кончатся уроки. И только он вышел оттуда, решив пойти домой, как перед ним возник Карл, будучи не тем Карлом, которого тот знал до, во время и после драки. Тут был другой мальчик - разъяренный и даже безумный, о чем выдавали его глаза и неровное дыхание. Поэтому Трафарет испугался, сжал кулаки, но не успел ничего сделать.

- Да пошел ты... - закричал мальчик, и Трафарет сел на довольно грязный кафельный пол. К нему вовремя подоспел Заика, но только развел руками, так как нарушитель бежал довольно быстро.

Карл преодолевал метр за метром, представляя, что он сделает со своей школой. Наверняка, что-то ужасное.

- Взорву. Подожду. Поменяю название... на дурдом, на санаторий для заик.

- Карлик, стой... - несло вдогонку. Это была Эллис. Но он не хотел останавливаться, даже если бы это был сам мистер Пок. К тому же Эллис была, как и все. Она смеялась над ним - разве это не главное доказательство тому.

Он вбежал в дом, быстро снял кроссовки, и, конечно же, задел стоящую у входа вешалку.

- Карл, это ты? - слышался голос с кухни.

- Мама! - завизжал мальчик, топнул ногой и помчался в свою комнату.

4

- Карл, милый, ты почему кричишь?

Мама не понимала, почему ее сын бросил вещи и закрылся в комнате. Она, будучи опытным генетиком, сталкивалась с разного рода проблемами, и, как настоящий профессионал своего дела, начала ставить диагноз происходящему, вспоминая, не было ли у нее, или у кого-нибудь из предков нечто вроде внезапных срывов. Не вспомнив никого, разве что глухого деда, который из-за того, что ничего не слышал, все делал слишком громко - ходил, разговаривал, и даже пил чай, она снова услышала в комнате сына глухой звук и крик «да что они понимают?!».

- Успокойся, - прошептала мама, скорее себе для начала, потому что знала, что успокаивать нужно, не выказывая волнение.

Появился папа. Он только что договорил по телефону и был, видимо, доволен прошедшим разговором, смотря на телефон, как на слиток золота. Он появился в комнате в тот самый момент, когда мама произносила «успокойся», вдыхая и выдыхая через нос. И все принял на себя.

- Никакого спокойствия, дорогая, - бодро сказал папа. - С этого момента мы все будем стоять на ушах.

Мама с испугом посмотрела на него - двух генетических пробелов она не сможет выдержать. Хотя со вторым уже было давно все ясно. Отец работал в страховой компании и, судя по всему, ему удалось кого-то уговорить застраховаться.

– И эта рыба попала в наши сети, – потирая руки, сказал он, обнял маму и поцеловал так звучно в щеку, что сам зажмурился от этого.

– Какая рыба? – машинально спросила мама, меня объект внимания слишком часто.

– Большая, – довольно захохотал папа, – как ты и я, и наш Карл вместе взятые. Как наш старый «Бьюик». Я ее долгое время ловил. И, наконец, он забрел в нашу заводь, где ему была подготовлена приманка, он долго бродил рядом, не решаясь и, наконец, осмелился, и... ам, попался угорь.

Он стал прыгать, как кенгуру, при этом стал подкидывать телефон, словно мяч, а когда сделал повторный круг, закричал «Рры-ба!» и показал пантомиму – плывущая рыба, сделав губы бантиком, но, не проделав и двух метров, закричал снова «Большая рры-ба!».

– Наш сын закрылся в комнате, – тревожно сказала мама. Но папа не думал о том, что есть проблемы поважнее, чем у него. Поэтому он взял маму за руки и продолжал говорить, не останавливаясь:

– И теперь мы будем его поджаривать на медленном огне, пока он не запросит пощады. Мне хочется обратно в воду. Верните меня к своим. Я соскучился по карасикам, по окунькам, по щуке, которая меня защищала.

Папа всегда, как только получал хороший заказ, не мог остановиться. Он не слушал никого, ему хотелось носить весь дом на руках, и это тоскливое выражение на лице мамы было некстати. И он попытался ее снова обнять, но завидев, что она нервничает и повторяет что-то про сына, хлопнувшего дверью и, пусть он не считал, что не нужно мешать парню, все же сдался.

– Сынок? Ну, хорошо. Зайдем на минутку.

Они постучались в дверь с висящим на ней расписанием уроков (чтобы родители, прежде всего, знали), но Карл не ответил. Конечно же, маму не могло удивить то, что сын пришел раньше на два урока. В голове роились множество предположений – от обычного прогула до взрыва на уроке химии. И только они решили не ждать, пока их сын скажет «милости просим», встретит их у дверей, чтобы все объяснить, а сами приоткрыли дверь, и уже занесли ногу в пределы

Карлового пространства, как у папы сработал телефон.

- У меня звонок, - прошептал папа, но мама тут же выхватила аппарат и нажала «отказ».

- Не сейчас, - прокомментировала она свои действия.

- Но он очень важный, - прошептал папа, едва не плача, - это наверняка рыба. Ну, ты же понимаешь крупная...

- А меня не волнует, - сквозь зубы выдала она. - Из-за этой рыбы ты все на свете забыл.

И папа не спорил, он кивал головой и был готов сделать все что угодно по дому (пусть даже самую немужскую работу в виде натирания моркови и резания лука), только бы ему не мешала ни мама, ни другие.

- Да, когда я долго стою и жду, пока у меня будет клевать, я медитирую, - говорил он. - Зову. Приплыви, приплыви. Но она же не сразу плывет. У нее же сразу появляется желание. Таких рыбаков уйма. Все хотят рыбку, и все конечно снесут улов, но к кому подплывет эта рыбина, вот вопрос.

- Ты со своей рыбой... - огрызнулась мама. Звонок раздался снова.

- Однако, если бы не я, то... - он пытался взять телефон из рук мамы, но она ловко убрала руку. - Отдай телефон, - умоляющим голосом заверещал папа.

- Не отдам, - твердо сказала мама. И папа схватил ее за правую руку, но мама успела переложить трубку в левую. Тогда он схватил и левую, но и там аппарата не оказалось.

- А то, что у меня происходит, вас не волнует? - выскочил Карл. Папа тем временем вырвал у мамы телефон, который оказался у мамы подмышкой.

- Что у тебя происходит? - спросила мама. - Мы с папой волнуемся. Да, папа? - при этом она хлопнула папу по ягодицам, как шкодливого ребенка.

Папа, изучающий пропущенный звонок, посмотрел на сына с интересом. Наверняка он не мог подобрать нужную для него форму страховки. Через минуту телефон снова заверещал.

– У меня звонок, дорогие мои, – объяснил отец и исчез за дверью. – Это акула!

Мама посмотрела в его сторону с такой злостью, что была готова кинуть вдогонку что-то потяжелее, но перед ней был сын и у сына что-то произошло, поэтому очень скоро маска злости сменилась на волнение. Карл не хотел говорить с родителями об этом, но сегодня, когда все в школе были ему ненавистны и он не предполагал, как пойдет туда на следующей неделе, осталась одна надежда – на родителей. Они все объяснят, успокоят и подскажут верное решение.

– Мама, почему мне досталось такое имя? – он не знал, как начать разговор, и первый вопрос прозвучал, может быть, странно, но в нем было все выражено – непонимание и желание узнать, что делать дальше.

– Не понимаю, – пожала плечами мама. – У тебя замечательное имя.

– Замечательное? – воскликнул Карл. – Ничего себе замечательное?! Да от него одни беды.

– Не может быть, – удивилась мама. – Когда мы тебя нарекли, нам казалось, что лучше имени для тебя и нет. Оно единственное, что тебе подходит.

– Единственное? – возмутился мальчик. – Да вы что? Вы мне добра желаете или хотите, чтобы я всю жизнь мучился?

Вошел папа. Он вернул себе былое состояние победы, и вернулся, чтобы поделиться со всеми продолжением его феерии, наверняка забыв про то, что есть какая-то проблема. Карл, напротив, видя, что мама не понимает, что он хочет, устремил все свои усилия на папу.

– Папа, я хочу, я хочу... – начал он.

– Он хочет другое имя, – быстро сказала мама.

Папа развел руками, посмотрел на маму. Мама показал ему, что сделала все возможное и теперь очередь отца решить эту сложную задачу. И отец, сморщив лоб, почесав нос, начал медленно ходить из стороны в сторону, размышляя:

- Но имя дается только раз в жизни и каждый человек должен любить его, носить его с достоинством.

- Но я не хочу его носить. Мне хочется его скинуть, сбросить с себя.

- Снимай его только для того, чтобы погладить ил постирать, но не для того, чтобы выбросить, - продолжал философствовать отец. Но он никак не ожидал, что мальчик говорит об этом слишком серьезно. Есть дела и поважнее - сделка, например, где крупная рыба (птица, носорог).

- Тебя не били, трижды не вызывали к директору, ты не хлопал дверью. Ты не падал в обморок, не терпел ненавистные прозвища, ни то, ни другое... - мальчик рыдал. А папа с мамой разводили руками и смотрели друг на друга.

- Карлуша.

- Уходите! - грубо сказал Карл, выталкивая их за дверь.

- Пойдем, - согласился отец. Но мама медлила, но снова раздался звонок, и мальчик, воспользовавшись заминкой - мама ждала, как среагирует отец, захлопнул дверь.

- Это рыба, - утверждал папа, отвечая на звонок. - Да, рыба, ой мистер Лонг. Ваш звонок очень важен.

Папин голос пропал, однако мама что-то шептала и если очень близко стоять к ней, то можно было услышать, о чем она разговаривает сама с собой.

- Все же у него что-то на генетическом уровне. То ли дед, то ли от него начинается новый ген, которого и не было ни у кого.

Карл уткнулся в подушку и не слышал, как через минут десять кто-то стучался. Но на этот раз дверь была закрыта.

Часы пробили, семь раз кукушка раскрывала створки, чтобы прокричать неестественным голосом из механического желудка. Только что вставал папа, прошаркал мимо, чтобы выпить воды и посмотреть в окно, на месте ли его драндулет. Мама, как всегда, проворчала на него, но он не ответил, зная, что в таком случае разговор может затянуться. Карл осторожно пробрался к двери, накидывая на себя рюкзак средней тяжести со всем необходимым, открыл щеколду и вышел в зябкое утро. Солнце еще скудно освещало двор, позволяя большей части оставаться в тени. У соседа напротив солнце покрыло часть двора, и, наверняка, поэтому они просыпались значительно раньше. И это было только на руку беглецу. Сейчас он был, как никогда рад, что у него нет собаки, которая могла его выдать. Все складывалось удачно – родители спали, соседи зашли в дом, чтобы позавтракать, а Карл тем временем открыл калитку, последний раз посмотрел на дом, на окна родителей, и быстро побежал в сторону главной дороги. Ночью прошел дождь, и земля под ногами чавкала, а мокрая трава приятно щекотала ноги. Вдалеке показалась машина, но она пронеслась мимо, оставив после себя клуб пыли. Водитель посмотрел на идущего мальчика, но Карл не подал знак, не поторопился, чтобы спросить, куда тот направляется, немного испугавшись делать поспешные шаги. Он еще раз посмотрел в сторону дома, где совсем скоро прозвенит будильник и мама поторопится на кухню, чтобы поставить в ковшик воды, чтобы сварить яйца, нарежет хлеб для тостов, и положит в блюдце абрикосовое варенье. Потом встанет папа, по дороге в ванную постучит Карлу, и после того, как примет контрастный душ, вернется за сыном, чтобы выйти на кухню вдвоем и плюхнуться на угловой диван и ожидать, что тебя обслужат, как в ресторане. Но как только будет намазан первый бутерброд и наполовину съедено яйцо, начнутся разговоры – сперва о чем-то постороннем (об экономическом кризисе, подорожании масла) и обязательно все закончится школой и месте в нем Карла. О вчерашней проблеме, наконец. Но, после вчерашнего, после того, как они уверенно сказали, что имя «Карл» – единственное, которое ему подходит и его нужно носить, как нижнее белье. И он ужасно разочаровался в них, а разочароваться в своих родителях – наверное, самое ужасное, что вообще может быть. Последняя надежда рухнула, и дом вместе с вкусным завтраком и папой с телефоном тоже развалился, как карточный домик. И теперь нужно искать другой дом, имя, школу, а то и вообще не учиться. Чем заниматься – подскажет эта неровная дорога, таящая в себе множество тайн. И он, еще увереннее

зашагал по тропинке, впадающей в более крупную, которая, в свою очередь, давала начало большому магистральному шоссе.

Солнце уже достигло верхушек деревьев в ближайшем лесочке, когда он увидел грузовик, везущий что-то под темно-синим тентом. На этот раз мальчик не растерялся, высоко поднял руку, даже для этого спустил рюкзак, чтобы тот не помешал ему в этом, и машина остановилась.

– Куда путь держишь? – бодро спросил водитель с рыжей бородой и усами, похожий на ящерицу.

– Туда, – показал мальчик в направлении горизонта, где было множество дорог и все они вели куда-то.

– Поехали, – предложил человек-ящерица, подал ему руку, и Карл забрался в кабину.

Грузовик взревел, и последовал по дороге, сделав небольшой вираж. Карл подпрыгнул, крепко вцепился в рюкзак, куда накидал много нужных вещей от фонарика до складного ножа.

– Извини, – сказал водитель, – везу кенгурят. А они у меня беспокойные. Чуть что, так подпрыгивают. Да и машина вместе с ними тоже.

Карл обернулся и заметил, что тент время от времени подергивается. Мальчик улыбнулся, чувствуя вкус к дороге с первого километра. Только успел выйти за порог, как машина с кенгуру!

– Вот сейчас их там тринадцать, – продолжил водитель, подергивая ус. – У каждого на шее табличка с именем, чтобы не перепутать. Я вожу груз и мне приходится разное возить. Вчера, например, вез большую тыкву с выставки. Она под сто пятьдесят килограмм. На весь кузов. Сегодня поступил заказ для одного мистера. Решил устроить ферму для кенгуру. А на той неделе я вез сгущенное молоко. Щедрый оказался заказчик. Целую канистру мне подарил. Хочешь, угощу?

Карл радостно кивнул, и Ящерица подал ему стакан и налил туда сгущенного молока из пятилитровой канистры. Мальчик облизнулся и набросился на лакомство. Позавтракать ему сегодня не удалось, как и вчера поужинать. Водитель тем временем проехал большой магазин, школу, церковь и въезжая в большой поток других грузовиков, легковых и фур, спросил мальчика о предполагаемом маршруте следования.

- Мне нужно уехать, - невнятно сказал Карл, - из этого города.

- Ты что-то натворил? - спросил водитель, но понимая, что мальчик вряд ли ответит на него, похлопал его по плечу и долил сгущенки до краев. - А если и натворил. Я водитель грузовика, везу кенгурят богатому фермеру. Мне, как и им не важно.

- Но я... - начал было мальчик, но тут же осекся. Он бы и рад сказать, но разве он что-то натворил? Нет? Скорее, все в этом городе сделали так, чтобы он уехал. Они устроили - сперва в школе от учеников до директора, потом - мама с папой. И Карлу ничего не оставалось, как только кивнуть и продолжить уплетать сладкую молочную субстанцию. Кенгурята снова устроили танцы, и машина несколько раз подпрыгнула. Человек-ящерица, как будто не заметил этого, но мальчику пришлось оттирать сгущенку с рюкзака. Некоторое время они ехали молча, машина отнимала колеса от земли вместе с ними и Карл был более осмотрителен, успев прикончить сгущенку, разве что делал большие глаза, когда груз устраивал волнения, заставляя мальчика касаться потолка кабины.

- Знаешь, я езжу по всему миру, - неожиданно сказал Ящерица. - И на той неделе я подвозил одного мальчика Он тоже, как и ты, не знал, куда ехать. Он тоже, как и ты любит сгущенку. Довез я его до большой площади, до дорожного рынка на трех дорогах. Там собираются автомобили со всего мира. И если ты решил не возвращаться, то я могу оставить тебя там.

- Годится, - радостно воскликнул Карл. - А про дом я уже и забывать стал.

Водитель улыбнулся. Он не хотел верить в то, что можно так быстро забыть дом, но так как сам был человек дороги, которому постоянно не сидится на одном месте, он согласился, что такое может быть.

– Он был маленький, еще меньше тебя, – продолжил он, – и мне показалось, что ему грустно. Но я как мог его веселил, предложил ему оставить эту затею, и он, оказавшись на площади трех дорог, поймал машину, но не для того, что искать приключения, а чтобы вернуться. Но, тем не менее, вы не похожи – он был мрачен, а ты, я гляжу весел и без моих прибауток.

Карлу однако было немного грустно – он думал о реакции родных на его исчезновение, он даже не оставил записки, ничего, просто исчез, и только сознание того, что он едет к чему-то новому, что ему поможет в дальнейшем, подзадоривало его. Что на пути его ждут много интересных событий, и люди, что ему попадутся, будут обязательно добрыми и внимательными к нему. Как этот человек-ящерица.

– Еще сгущенки? – спросил водитель, и Карл радостно кивнул, так как наесться сгущенки, как ему казалось, невозможно, как конфетами и картошкой «фри» с сырным соусом. За окном мелькали деревья, но так как стекло стало грязным от пыльной дороги, он видел только размытые картины еще его родной местности – деревья, дома, в которых большинство людей проснулись и пьют чай. И только он хотел попросить у Ящерицы воды, как незаметно для себя уснул, и когда машина в очередной раз подпрыгнула, он проснулся и увидел, что машина подъезжает к большой площади трех, идущих от нее, дорог.

– Приехали, – подтвердил водитель. Карл спрыгнул на землю, поблагодарив человека-ящерицу, попрощался с ним и его беспокойным грузом и тут же попал в водоворот нового места, где ему предстояло как-то освоиться и найти еще одного человека (не обязательно ящерицу), который поможет ему достичь до заветного города.

6

Автомобилей было множество. Такого разнообразия Карлу еще не приходилось видеть. Его отец редко ездил на «Бьюике», так как большую часть времени он провозился с ее мотором, который страдал хроническим кашлем. И теперь оказавшись здесь среди «Фиатов», «Понтиаков», «Жуков», новых и старых, чистых и покрытых тройным слоем пыли, он раскрыл рот от изумления. Торговцы подбегали к автобусам с разминающимися туристами, предлагали им рыбу,

сэндвичи и молоко, что лучше не совмещать. Те, кто успел подкрепиться и поторговаться вдоволь, уезжали, освобождая место для вновь прибывших. Казалось, в таком месте нельзя просто стоять – нужно обязательно что-то делать, бежать к торговым палаткам или в туалет, передавать что-то друг другу и даже говорить как-то быстро, как будто потом это сделать будет уже невозможно.

И Карл естественно растерялся. Он не знал, к кому подойти. Денег у него не было, чтобы приобретать рыбу и молоко. Да и пока не очень-то и хотелось после трех кружек сгущенки. Во-первых, нужно было выбрать направление. Он считал, что в ближайшие Дубы и Перешейки ехать не стоит. Нужно расстояние. Он увидел, что у одного полного водителя на лобовом стекле было написано «Big City» и Карл подумал, что он-то уж точно едет не близко. Это водитель был в широких брюках-шароварах, теплом свитере с ковбоями и шляпе с продавленным котелком.

– Вы едите в город? – спросил мальчик все же решившись подойти к нему.

– Да... – согласился тот, внимательно осматривая подошедшего к нему мальчика, – я ехать в город, и у меня есть важный задание.

– Подвезите меня.

– Ты хочешь, чтобы я везти тебя за бесплатно? – растеряно спросил он.

– У меня нет денег, – тяжело вздохнул мальчик, немного жалея о том, что в последний момент не вытащил деньги из семейной шкатулки, в которой обязательно были какие-то сбережения. И только он собирался повернуться, чтобы найти другого, более сговорчивого водителя, как этот Шаровар взял его за руку.

– Мани, – сказал он, – то есть деньги – это не есть самый главный плюс. Если твой карман – пустой, не надо плакать.

– Правда? – воскликнул мальчик. – Значит, вы подвезете меня за так? Это здорово. Вы меня так выручите.

Мальчик верил, что это нормально – что он может поехать с кем-то совершенно бесплатно, при этом быть сытым, как в первом случае с водителем, везущим кенгуриное семейство.

– Деньги, – показал жестами полный, – почему нет, поступок. Разный поступок. Например, ты – делаешь мне польза, развлекать дорога, а я драйвинг. Везу. И пока ты меня... я тебя драйвинг...

– Развлекать? – не совсем понял Карл. – Но что значит... как я могу развлекать. То есть рассказывать истории, петь? Но я не умею петь, да и жизнь моя не такая интересная, чтобы про нее рассказывать.

Но водителю видимо было неважно, что Карл не умеет ни травить байки, ни петь, как оперный тенор.

– Это значит, что ты слушать, что я сказать, – продолжил он. – Например, я хотеть гамбургер. Ты бежать в кафе, заказывать и потом нести мне. А когда я буду спать, а мы ехать, ты меня «дэйнджер, опасность!» и я не спать. То есть помогать мне.

Он приблизился и прошептал ему на ухо, как будто следующее нельзя было говорить вслух:

– А когда я просить... – никто не услышал, что он сказал, даже Карл, который хоть и услышал слова, но не понял их значение. Шаровар говорил что-то про трудные моменты и помощь и его американский акцент мешал высказать мысль более точно.

– Но я не понимаю, – развел руками мальчик. – То есть я должен в трудные моменты...

– Позже понять, – А пока залезай в кабину, – и подтолкнул его. Но мальчик тут же снова оказался в воздухе и почему-то на земле в результате. Он повернулся и понял, что какой-то парень – высокий, в джинсах и кожаной курточке, похожий на ковбоя со свитера американца, вернул его на землю. Было, отчего растеряться.

- Отпусти его, - произнес он.

Этот человек появился неожиданно. Откуда? Он не был похож на водителя. Карл заметил бы его. Тот вероятно вообще был без машины и явно не был ни туристом, ни торговцем с рынка.

- Мне нужна попутчик, - ответил американец. - Я ехать далекий край и чтобы не спать, я взять этот мальчик.

Карл тоже не понимал, что хочет этот «спаситель», ему хотелось как можно быстрее уехать, чтобы найти то, что он ищет.

- Я знаю, кто тебе нужен, - сказал ковбой. - Поэтому проваливай в свой Big city без попутчика.

- Он согласен, - клялся Шаровар, вздымая руки к небу. - Это не обманывать. Я ему сказать обо все условия.

Ковбой недоверчиво закивал и тут же вытянул руки. Американец растерянно смотрел то на парня, то на мальчика, который уже был в машине и если бы не этот ненормальный, они бы уже проехали километр-другой.

- Что ты хотеть? - оторопел водитель.

- Руки, - сказал Ковбой.

- Руки? - повторил жирдяй, вытянул свои, на что парень быстро среагировал, вцепившись в них, и тот в свою очередь тоже, наконец, поняв, что он хочет. Они стояли, напрягаясь мышцами, ломая друг друга - американец кряхтел, произносил «shirt», «дюряк» и «мы договориться». Соперник стоял, как вкопанный, по всей видимости, не прилагая для этого большого усилия. И только Шаровар снова кряхтел, произносил что-то непонятное, пока не сдался.

- Твоя взять, - устало сказал он, ворчливо забрался в кабину, машина фыркнула и умчалась. На площади среди шума рыночной суеты и постоянно снующих машин, среди дневной пыли остались стоять двое. Один из них явно не был доволен таким поворотом событий.

– С чего ты взял, что можешь распоряжаться мной, как тебя вздумается? – расстроено спросил мальчик. – Он, если хочешь знать, обещал меня довести, до самого города. И что теперь? А теперь, благодаря твоей милости, я должен искать другую возможность. Одно но – у меня нет денег. Ты знаешь, как трудно путешествовать без денег, – эту фразу он сказал резко, как будто выплюнул ее.

– Знаю, – согласился парень. – Без денег, без чистой одежды, без уважения со стороны себе подобных коллег.

Последний намек был адресован Карлу, но тот ни причислял этого «спасателя» ни к своякам, ни к помощникам, а скорее тех, кого можно назвать – оказывающим медвежьи услуги.

– Я могу исполнить любое твое желание... – неожиданно сказал ковбой. Он был очень спокоен и эта ситуация не вывела его и не вызвала даже дрожи в теле.

– Ты кто? – подозрительно спросил мальчик. – Чем торгуешь? У меня все равно нет денег.

– Я волшебник, – все также спокойно ответил парень. – И мне не нужны деньги.

Но Карл уже по-своему стал понимать это место – здесь все искали что-то свое, у каждого был свой интерес. У торгующих рыбой – денежный, у водителей – рыбный или молочный, а то и как у того Шаровара – развлекательный. Значит, и у этого ковбоя тоже был какой-то интерес, только пока непонятно какой.

– ...разве что уважение, – добавил он после небольшой паузы.

– Не дури меня, – громко сказал Карл, чтобы тот, наконец, понял и отошел от него. Мальчик уже стал высматривать другого водителя.

– Да я и не думаю дурить, – ответил парень. – Не веришь? Могу доказать. Ты что-то хочешь?

Карл переел сладкой сгущенки, и поэтому у него было еще одно желание, помимо желания уехать.

– Хочу пить, – робко сказал он.

– Проще простого, – хлопнул в ладоши ковбой. – Жди меня здесь.

На глазах у мальчика ковбой подошел к торговцу охлажденного морса и что-то сказал, тот занервничал и оставил прилавок. Парень, недолго думая, наполнил два пластиковых стаканчика и подошел к Карлу. Остальные торговцы были слишком заняты, чтобы обратить внимание на это – их атаквали клиенты.

– Пей, – протянул он мальчику стаканчик с ароматным напитком.

– Не буду, – заявил Карл. – Ты украл это и предлагаешь мне выпить? И считаешь это нормальным? – он хотел отшвырнуть от себя стаканчик, но Ковбой успел убрать руку в сторону.

– Не кипятись, мой друг, – улыбнулся парень, – мы взяли у него то, что он может позволить себе. Тем более, сейчас его волнует выключенный уют куда больше, чем какой-то стаканчик морса.

Карл хотел сказать, что даже если бы он умирал от жажды, то не стал бы пить, но как только стакан оказался у него в руках, он сперва только вдохнул идущий ягодный аромат и сам не заметил, как осушил его.

– Пей и второй, – предложил парень.

– Спасибо, – кивнул головой мальчик, но как только он увидел смеющийся взгляд ковбоя, остановился. – Нет, это же...

– Можно назвать это воровством, – прервал его парень, – и мучиться угрызениями совести, а можно дать всему этому другое название, тогда все намного проще... – он ждал, когда в глазах его слушателя появится хоть одна искорка, и она, по всей видимости, появилась, – например, волшебством. Ты захотел пить, и абра-кадабра-сладкая розовая вода появилась.

Это помогло. И мальчик проглотил второй стакан, облизнулся и довольно похлопал себя по животу, выдавив:

– Мне нравится...

– Если так, то нам нужно сделать запасы, и прощаться с этим увлекательным местом, – сказал Ковбой, похлопав себя по животу, и тот неожиданно заурчал.

– Опять уют? – спросил Карл.

– Ну, разве это интересно? Я стараюсь, что наше волшебство совершенствовалось.

Карл не знал, как к этому отнестись, но у него не было денег и действительно, если это назвать по-другому, скажем так – дать этому процессу не имя, а кличку, ту, что подходит, удобно носимую, тогда все выглядит иначе. «Волшебство» – почему нет? Он же хотел пить и действительно напился, как и хотел.

Через минут пять у героев были достойные припасы – три жаренные курицы, две палки колбасы, две лепешки, помидоры, огурцы и мешок грецких орехов.

– Что ты сказал? – уже с интересом расспрашивал Карл, наблюдая, как парень подошел то к одному, то к другому торговцу, и те после недолгого разговора обеспечили его всем необходимым.

– Что я – дегустатор. Дегустирую пищу, чтобы привлечь, как можно больше клиентов. Мне кажется они дали бы и больше, но у меня же только две руки. Пусть я и волшебник.

7

Карл никогда не встречал таких людей, как Ковбой. Раньше он знал только школу, дом и дорогу от школы до дома. Сейчас он увидел, что есть и другие дороги, другие люди, идущие по ним, и главное у Карла все больше росло желание узнать о них. Наверняка, там другие школы и имена всем даны такие, которые они хотят. Взять, например, ковбоя – у него нет имени. На вопрос, как его зовут, он так хитро прищурился и спросил: «А как ты думаешь?», и когда мальчик предложил «Ковбой» точно подойдет», то ему понравилось, добавив

«Как это я сам не догадался». Он же не знал, что у мальчика исключительная способность давать точные имена. Карл, в свою очередь, скромно спросил, на кого он похож. И парень назвал его Робин Гудом. И мальчик согласился. Правда, через минуту тот назвал его Бравым индейцем, а через две – Реактивным самолетом. Тогда и Карл для него придумал на пару кличек больше. Теперь он стал для него Волшебником (что очевидно), Дорожным рэйнджером (спас же он его от американца), Чуткий нос (он знал, куда идти). Это и подсказало Карлу, что с ним надежный человек. Ненадежные остались в его городе и не посмеют выйти из него.

– Я прихожу в любой город, – сказал парень, когда она отошли от площади на значительное расстояние, свернув на тропинку, перпендикулярно идущую от главной дороги, – и получаю от них подарок.

– Но как же полиция...? – не понимал мальчик. – Они же могут схватить, посадить и надолго?

Ковбой засмеялся, да так громко, что мальчику показалось, что никогда не слышал такого громкого смеха, разве что от всего класса, когда те смеялись над ним.

– Что здесь смешного? – обиделся Карл. – Разве я не прав – ты нарушаешь, они хватают. Ладно, ты смог договориться здесь, но в магазине или в кафе. Разве можно договориться в кафе?

Но когда он посмотрел на Волшебника, то понял, что можно все. Что того не останавливает ни самый серьезный ресторан, ни простая забегаловка для деревенщины. Он может все. Ну, конечно же, мальчику нужны были объяснения. И теперь, когда они поднимались на возвышенность, что немного смущало мальчика, но не настолько, чтобы остановиться, он снова задал «Разве можно?».

– Им же нужно как-то развлекаться, – объяснил Дорожный рэйнджер. – Представляешь, появляется в городе преступник со страшным именем и оставляет после себя разговоры. Не только полиция, но и газеты ждут этой сенсации. Журналисты, писатели. Художники. Все. А режиссеры снимают кино, делая этого преступника главным героем... им же нужны идеи. А идея сама приходит и диктует им сценарий.

– Я думал, они все выдумывают, – растерянно прошептал Карл, когда пришлось подниматься вверх, карабкаясь по склону.

– Разве можно выдумать то, что существует вокруг? – воскликнул парень, преодолевая трудности на раз-два. – Только те, кто сидит безвылазно, думает, что ничего нет, и есть только ящик, космос и страх выйти на лишний километр. Ты уже его преодолел, чему явно рад.

Карл действительно испытывал чувство превосходства перед теми, кто остался дома и дрожит от страха перед новым. Однако еще не мог привыкнуть ни к тому, что не нужно идти в школу, слушать мамины крики и отцовское «сейчас иду», и волшебника, который как-то умело заменил ему всех.

– Мы так и будем идти? – наконец, спросил мальчик, сказав это, когда ему пришлось вцепиться в острый камень и подниматься, пачкая одежду и напрягая мышцы.

– Ты что-то имеешь против пешего похода? – сказал Чуткий нос откуда-то сверху. – Только пешему доступна вся красота.

Он протянул руку мальчику и подтянул его наверх. Карл поднялся, не успев как следует отряхнуться, увидел под собой огромное пространство. Оно начиналось зелеными кронами, переходили в цепь невысоких гор и рек, замыкаясь в густонаселенном красками месте, с торчащими трубами и крышами. Казалось, что это место дышит. Как тот грузовик с кенгуру.

– Да... – даже растерялся мальчик. – Я и не думал.

– Вон видишь тот городок, – показал Ковбой на точку за горизонтом. – Я направляюсь туда. Через два леса, небольшую гору, реку, и...

– Как далеко, – как бы мысленно прошел этот маршрут мальчик, предполагая, какими они придут в тот город.

– Это только так кажется, – успокоил его парень. – Но тебе вовсе не обязательно идти туда. Если посмотреть направо, можно увидеть еще одну дорогу – она тоже ведет в город, правда он значительно дальше. Взгляни вправо – там тоже есть

дорога. По ней нужно ехать дня два, а идти, примерно неделю, и город... не знаю, порадует ли он тебя. В любом случае, у тебя свой путь...

Он заставил его карабкаться на самый верх, чтобы сказать, что каждый пойдет своей дорогой? Но сейчас, когда он видел перед собой, по словам Ковбоя, очень близко, город, в котором была вероятность того, что он найдет себя искомый приют, он не хотел ни того городка, что находится по левой дороге, ни того, до которого надо шагать целую неделю.

- А можно я с тобой? - робко спросил мальчик. - Вдруг и мне нужно в этот город.

- Сомневаюсь, - задумчиво сказал Ковбой, посмотрел на мальчика, и, понимая свою ответственность за то, что заставил его подниматься сюда и то, что именно он повел его с площади, где тот мог найти кого-то более «хорошего». Просто разговорился, показал свое мастерство, которое не все так ценят, и не заметил, как тот привязался за ним, и как они оказались на горе-перепутье. - Но в любом случае пойдем, - решил он. - Не оставлять же тебя здесь.

Он спустились с горы (по другую ее сторону), прошли сперва редкий ряд деревьев, увеличивающихся с каждым шагом и, наконец, оказались в лесу. Карл успокоился, будучи уверенным, что он направляется туда, куда нужно, и ему не нужно идти в какие-то другие города, не видимых с обозримой возвышенности.

- Этот лес придумал мой дед, - продолжал говорить парень. - Он посадил первые три дерева вот здесь. А они и дали ростки всем последующим.

Карл понимал, что все это выдумка - не мог его дед посадить эти деревья. Карл точно знал, что этот лес существует здесь давно, он знает о нем достаточно много - еще первые переселенцы жили здесь, а потом вторые и третьи, пока не решили остаться. А это было не одну сотню лет назад. Однако тот продолжает говорить, приводит массу аргументов, показывает, как все это было. Как дед копал землю, на какую глубину помещал саженец, как поливал. Одно, второе, третье... Ковбой настолько увлекся этим рассказом, что нельзя было не поверить ему. Хорошо.

Почему ему нельзя говорить то, что хочется? Пусть будет его дед. Он придумал лес - до этого здесь было пустынное место.

– Оттого и лес растет, – уверял парень. Карл, конечно же, кивал в знак того, что ему нравится то, что тот говорит. Вот если бы учителя могли так. Не следовать четко параграфам в учебниках, а придумывать что-то свое.

Они вошли в более густую чащу, где приходилось поднимать ветки, чтобы пройти сквозь нее. Послышался хруст – как будто кто-то ломал деревья.

– Осторожно, – сказал Ковбой, подумав, что это Карл неосторожно задел ветку, сломав ее, проходя густые заросли.

– Но это не я, – сказал мальчик, как повторно послышался треск и вдобавок ко всему задорный смех. Ковбой ускорил шаг и поспешил туда.

Хруст слышался где-то совсем близко. Карл едва поспевал за Ковбоем, хотя не совсем понимал, зачем они так торопятся. Ну, ломает кто-то ветки, мало ли почему. Им-то какая забота? Для них важнее пройти этот километраж и выйти на главные ворота города. Однако он шел за своим сопровождающим, пока они не вышли на небольшую поляну. Мальчик лет пятнадцати-шестнадцати с прической, напоминающей неподстриженную сорняковую траву, ломал ветки для костра, приготовив, таким образом, изрядную кучу.

– Вы что делаете? – резко спросил парень, выхватив у растерявшегося мальчика несломанную ветку.

– Ты че, мужик? – грубо спросил Сорняк. – За младшего брата меня принял? Гляжу, у тебя есть один. Так и я тоже не один здесь.

После этих слов он свистнул. Могла завязаться драка. Тем более их было больше – еще трое прибежали на свист.

– В чем дело? – спросил самый крупный, похожий на Бегемота.

– Ваш друг ломает живое дерево, – объяснил Ковбой. В глазах троицы он увидел такое равнодушие, непонимание, о чем говорит этот пришелец, что значат эти слова «ломает», «живое дерево».

– И? – спросил второй, выкидывающий то одну, то другую ноги, с не знающими за что взяться руками.

– Он ломает дерево, – повторил парень, все еще надеясь, что сможет достучаться хоть до одного из них.

– И че? – завершил вопрос третий из клуба долгодумов. Он был похож на... на... Трафарета. Подтянутый и такой же недалекий.

– То, что сухих веток достаточно много, чтобы ломать живые, – продолжал говорить Ковбой. Карл не понимал, зачем они это делают, однако они уже здесь и им предстоит не только объяснить этим недоумкам, но и попытаться уйти живыми.

– И че? – продолжал говорить то Бегемот, то Сорняк, а то и Копия Трафарета. Дерганный молчал – достаточно было и того, что он весь дрожал, как будто недавно получил электрический разряд.

– Чтобы он собирал сухие, – у Ковбоя было неотступное желание доказать им, что то, что они делают – не совсем хорошо. Но Карлу не нравилась эта затея – тут никакое волшебство не поможет. Придется обойтись бегством.

– Слышь, братан, собирай сухие, – заговорил дерганный. – Ты че живых в трупы превращаешь? Народ волнуется.

– А что здесь за житье? – заговорил Сорняк. – Скука. Вот сейчас мы их в костер и у них праздник.

Они продолжали насмехаться. И только Карл собирался шепнуть на ухо Ковбою, что им пора, как тот сказал:

– Тогда мне придется вас проучить.

– Че? – спросил Сорняк, а Трафарет-2 стал делать шаги в сторону любителей леса. Ковбой закрыл глаза, и замер. Карлу стало не по себе.

– Пошли, – прошептал он. – У них серьезные лица.

Но Ковбой не слушал. Он неожиданно плюхнулся на колени, поднял руки к небу, опустил голову и, не поднимая ее, стал говорить:

– Все духи леса! Обращаюсь к вам! Просыпайтесь, кто спит, а те, кто занят наказанием нарушителей, заканчивайте казнить их, и приходите сюда. У нас появилось еще три жертвы. Сегодня мы сможем полакомиться их черными душами. Мы сможем насладиться их криками, мольбой о прощении. Но как бы надрываться они не стали, мы не отпустим их.

Действительно поднялся ветер. Ковбой задрожал. Карл испугался и прислонился к дереву. Компания застыла на месте и не двигалась.

– Слушай, он точно псих, – предложил Сорняк. Бегемот согласился, и только Трафарет все норовил идти, но двое держали его. Дерганный упал, и стал медленно отползать в ближайший куст. Тем временем голос Ковбоя стал еще более зловещим, он приподнял голову, и мальчик даже вздрогнул – у Волшебника было неестественное лицо, оно выражало холод и страх, и смотреть на него без ужаса было невозможно.

– Мы должны выбрать то наказание, которое они заслуживают, – говорил то ли Ковбой, то ли Лесной мститель. – Например, смерть в муравейнике, что вполне подходит этим людям. Или лучше ли повесить их к дереву, чтобы птицы могли узнать, каков на вкус хулиган из города. Они любят таких. Подскажите мне духи. Только так я смогу найти верное наказание. Потому что точное наказание вернет лесу былую гармонию.

Один из них точно задрожал. Другие как будто стали похожими на деревья, хотя те в тот момент были более подвижными, чем эта четверка.

– Пошли отсюда, – решили «туристы», солидарно кивнули, и через минуту уже скрылись в чаще. Ковбой глубоко вздохнул, кивнул головой и махнул мальчику рукой, что пора двигаться.

– А что это было? – спросил Карл, с трудом выходя из недоуменного состояния.

– Что? – спросил Ковбой в недоумении, как будто не понял, о чем его спрашивают. – Волшебство с научным уклоном.

Карл попросил объяснить ему. На что Ковбой, а может быть и Лесной мститель сказал:

– Они думают, что выбрались на свободу. А на самом деле, они попали в ее ловушку. С ней нельзя так. Многие называют себя туристами. Мы жжем костер, потому что избавляем природу от старого, не понимая, что природа сама знает, куда использовать сломанные сучья и прочее. Она и без нас прекрасно будет существовать. Лесники существуют не потому, чтобы помогать ей, а чтобы не допускать разного рода хулиганов. Но они решили, что так нужно, назвав ее местом для релакса или местом для отрыва. А за это есть суровое наказание... Духи леса! – продемонстрировал Ковбой. Карл вздрогнул, но понимая, что это только шутка, успокоился.

8

Они уже шли не меньше трех часов, а лес все продолжался, и становился гуще, разнообразнее. Деревья, растопырив ветки, приветствовали их на своем пути. Тропинки становились то совсем узкими, то расширялись до размеров большой поляны. Островки с выжженной травой с оставленной горкой угля и пепла вызывали у Ковбоя не самые приятные эмоции. У Карла не поворачивался язык сказать, что это только трава. Однако он решил спросить:

– Но мы же не станем искать виновников?

– Нет, – тяжело вздохнул Ковбой, но только на мгновение грусть пребывала с ним и уже в следующий момент он бодро провозгласил. – Ты что думаешь, я один? Нет, духов, скажу я тебе по секрету, мой мальчик, много. И они наверняка остановили этих поджигателей и отшлепали для закрепления этого урока. Или же это были мы? Духи...

– Мщения? – предположил мальчик.

– Нет, – только спасения. Я еще раз тебе повторяю – научись называть вещи своими именами. Поясняю. Я спас лес, нас, конечно, и этих ребят, которые когда-нибудь поблагодарят меня за этот урок.

Они двигались через очередную чашу. Парень подвязывал сломанные ветки, отчего у мальчика невольно возник вопрос «А зачем?». На что Ковбой пожал плечами, улыбнулся, но все же попытался ответить:

– Не знаю, я просто хочу это делать. Сломанное должно быть восстановлено, грустный должен развеселиться, голодный насытиться. Кстати о приятном. Пора бы привалиться к какому-нибудь дереву, разложить наши припасы и съесть по возможности все скоропортящееся.

Карл не возражал. Через метров пятнадцать они остановились около двух сращенных друг с другом дубов, разложили припасы на траву, и без церемоний начали уплетать куриные крылышки, ножки, одновременно закидывая в себя кусочки колбасы. Когда первый этап насыщения наступил, они прислонились к деревьям, взяв в руки по паре грецких орехов, но вовсе не для того, чтобы вскрыть их и добраться до внутренностей, а просто так, скорее для того, чтобы размять руки. Карл подумал, что два ореха – это они с Ковбоем, такие же крепкие и содержательные. Его приятель думал о другом.

– Когда я был маленьким, – сказал он, – мне нравилось, как и ты, убежать из дома. Не совсем так, конечно, как ты, а с обязательным возвращением к вечеру, а то и к ужину. Убегать куда-нибудь, чтобы... как бы тебя сказать... придумывать свой мир. Дома никто этого не позволял делать, да и дома был мир, созданный не мной, а родителями, теми, кто построил его. Правда, у меня был свой чердак, где я мог спрятаться от всех. Чтобы начать создавать что-то свое, и я пытался обустроить мир там, но папа завалил его старыми покрышками. Мой мир это не стерпел и развалился. А потом был сарай, но и там не нашлось место для меня. Там стояло все старое, ржавое и не используемое, а в моем представлении мой мир выглядел иначе. В школе тоже не было его – правда я несколько раз влезал в актовый зал и устраивал там концерты для несуществующей публики. Мне нравилось – публика достойно реагировала на это. Как меня тогда поразило то, что мир, который должен быть в отдельности у каждого совершенно другой, чем его пытаются делать все. Никто не хочет учиться, а все учатся. Никто не хочет получать двойки, а их ставят. И порой мы не в силах что-то изменить. Тогда я решил попробовать.

Это была настоящая тайна. Одна из самых сокровенных, поэтому Карл даже перестал дышать, и шепотом спросил:

– И ты стал волшебником?

– Точно. Тогда я еще не понимал, что это возможно. Просто помогал всем, дважды срывал уроки, на которых учителя повышали голос и устраивали внеплановую контрольную. Мне хотелось, чтобы мир стал другим. И я попытался. Но в школе я был один. Остальные боялись, и тогда я решил уйти из нее, но не оставлять всех. Звонил директору, сообщал о бомбе, инфекции, слал письма якобы от президента. И в какой-то момент, я понял, что они во мне не нуждаются. В этой школе уже объявилось несколько похожих на меня активистов, продолжающих мое дело. И я ушел.

– Куда? – затаил дыхание мальчик.

– Из города, – сказал Ковбой, и хрустнул орехами. – Из дома, от родителей, от правил, которые они придумали. В другой город, чтобы помочь другим школам, пока в них не появятся достойные продолжатели.

– Так ты идешь в город, чтобы «заложить бомбу».

– Не совсем, – улыбнулся парень, – но можно и так сказать. Но это бомба не уничтожительная, а скорее – со здоровым эффектом.

– Как стать таким, как ты? – спросил мальчик. Ковбой как будто не понял вопроса, и Карл продолжил... – Волшебником?

– Им не каждый может стать и в то же время каждый, – ответил он. – Для этого надо быть добрым. Называть вещи...

– ...своими именами, – продолжил мальчик.

– Да, – согласился парень. – Видеть опасность и не трусить.

– Но когда их много, – растерялся парень, – разве может прийти в голову изобразить из себя духа леса, и напугать их.

Ковбой засмеялся, подняв руки к небу, напоминая этого самого «духа».

– Это приходит с опытом, – сказал он. – Но по-настоящему опыт появится, когда ты пойдешь один. Без меня.

– Поэтому ты и хотел, чтобы мы пошли разными дорогами? – догадался Карл.

– Может быть, – согласился Ковбой. – Сейчас ты во мне не нуждаешься. И чем раньше ты пойдешь своей дорогой, тем раньше я смогу сконцентрироваться на своих делах, а ты стать духом...?

– Спасения, – завершил мальчик. – Я запомнил.

9

После небольшого привала, они продолжили путь. Они шли по более трудным тропинкам, с еще большими неровностями, с более узкими тропинками, и густыми деревьями, стесняющие их, и Карл забеспокоился. Он, конечно, шел за Ковбоем, и, наверное, не нужно было сомневаться, но сознание того, что прошла большая половина дня, и солнце уже отказывается светить так ярко и склоняется за горизонт, беспокоило его. Но парень, как будто почувствовал, что его напарник поник духом, затянул песню, да так громко, что было очень странным в тихом вмещающем в себя только пение птиц и шелест листвы, лесу.

Когда тебе дойти легко, ты разеваешь рот от скуки,

Когда ты трудности нашел, от радости ты потираешь руки.

Когда ты знаешь, что дойдешь, то место нужное само к тебе идет,

А если ты забыл его, то нужно вспомнить наперед.

Карл воспрял духом и тоже стал подпевать Ковбою:

– От радости ты потираешь руки... то нужно вспомнить наперед... то место нужное само к тебе идет.

Река открылась перед ними. Карл знал, что она должна где-то быть, но в душе лелеял надежду, что они ее обошли. Но как оказалось, она была еще шире, чем казалось сверху.

- Какая широкая, - произнес Карл. - Издалека она мне казалось полоской.

- Нужно ее перейти, - серьезно сказал Ковбой.

- Но как? - после небольшой паузы спросил мальчик. - Она с виду довольно глубокая, и вряд ли нам ее пройти вброд. Может, стоит ее обойти?

- Так мы потеряем больше времени, - сказал парень, заложил за спину руки и стал ходить, из стороны в сторону. Он сейчас стал походить на его папу. Только папа всегда ходит взад-вперед и ничего в результате не решает. Неужели и он тоже не сможет ничего предпринять?

- Ну а как? - с досадой в голосе сказал Карл. - Не перелететь же нам ее.

- Не перелететь, - согласился ковбой, - нам нужно назвать ее маленькой речкой... - радостно продолжил парень, - и тогда мы сможем пройти здесь без проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/shabanov_roman/laboratoriya-imen

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)